

Романий Г. И., Ключева М. А.

ЗАЧИН БЛИН-ТА-ТА В ДЕТСКОЙ ПОДВИЖНОЙ ИГРЕ ТИПА «ЦЕПИ (КОВАННЫЕ)»

Статья посвящена этимологии восклицания *блин-та-та*, служащего зачином диалога в удмуртской и русской детской подвижной игре типа «цепи (кованые)» и употребляющегося также как название этой игры. Показано формирование игровой терминологии в условиях языковых контактов в полиэтничном регионе, процессы десемантизации и ресемантизации (переосмысления) в игровой терминологии. Выстраивается гипотеза формирования полусемантического зачина *блин-тата* через последовательность изменений, искажений в детском фольклоре непонятой фразы чужого языка: рус. и удм. *блин-та-та(-та)* ~ удм. *милъым ту татай* ~ удм. *мынта-тутай* < **мында тэтэй* 'сюда, сестрица' (татар. диал.). Такая реконструкция исходной фразы соотносится с тем, что обращение к «девице», «сестрице» присутствует и в других приговорках и припевках в аналогичных удмуртских, а также чувашских играх. Таким образом, устанавливается субстратное происхождение исследуемого игрового зачина (блин-тата) в русском и удмуртском игровом фольклоре из татарского, что соотносится также с фактом и традиционными ареалами проживания татар на территории Удмуртии и Кировской области.

Ключевые слова: десемантизация, детская речь, игровой фольклор Волго-Камья, народные игры, семантизация и переосмысление, финно-угорские языки, тюркские языки, языковой субстрат, языковые контакты.

Генезис и этимология детских игровых формул-восклицаний в целом слабо исследованы. Этот разряд лексики занимает особое, промежуточное, место между однозначными словами и междометными элементами. Особую ценность представляют игровые восклицания, возникшие в условиях этноязыковых контактов, так как они дают материал для исследования процессов языкового и культурного взаимодействия между соседними народами. В данной статье исследуются вербальные зачины в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)»¹, которые бытуют в полиэтничном Волго-Камском регионе². Эта игра состоит в том, что команды противников становятся напротив друг друга на отдалении, и каждая по очереди вызывает одного участника противоположной команды. Вызванный должен с разбега прорвать «цепь» противников, которые крепко держатся за руки. Если ему это удастся, он уводит в свою команду одного из «расцепленных», если нет, то он сам остается в чужой команде. Игры такого типа сопровождаются особыми игровыми диалогами, в том числе асемантическими или слабо семантизированными. Ниже мы попытаемся установить этимологию зачина одного из таких диалогов – *блин-та-та*.

Зачин *блин-та-та* фиксируется в удмуртских играх (Христолюбова, Перевозчикова, Долганова, 1993; Долганова, Морозов, Минасенко, 1995; Долганова, Морозов, 2002), но распространен и в русскоязычной среде (регионально). В русском игровом фольклоре этот зачин, по-видимому, является достаточно поздним, поскольку он не фиксируется в публикациях XIX – первой половины XX в., в том числе в фундаментальных словарях (например, у Даля, в СРНГ) и собраниях игр (Покровский, 1895; Всеволодский-Гернгросс и др., 1933). Мы располагаем лишь одной достаточно поздней записью русской игры *блин-та-та* в Вологодской обл. в публикации Н. Марсовой:

1. «По жребию выбирают команду, которая начинает игру. Цель игры – заманить в свою команду как можно больше игроков. Первая команда спрашивает: “*Блин-та-та, чья игра?*”».

¹ У этой игры нет общепринятого русского наименования. Для удобства мы используем одно из региональных названий, метафорически отражающее общий смысл игры.

² Статья продолжает тематику наших предыдущих работ по игровому фольклору. См.: (Романий, 2015; Ключева, 2015; Романий, Ключева, 2016) и пр. публикации М. А. Ключевой в 2012–2017 гг. в списке литературы.

Вторая команда, посоветовавшись, выбирает игрока из первой команды, называя его по имени: “Колина” (например). После этого Коля, игрок из первой команды, разбегается и с силой пытается разорвать цепь второй команды» (игра записана со слов двух жительниц деревень Ваулиха и Арзубиха Харовского р-на Вологодской обл. (Марсова, 2002)).

Приведем обнаруженные нами в Интернете примеры употребления данного игрового термина в функции зачина или названия игры:

2. «[Игры НА ПРИРОДЕ для подростков из 12 человек?] Футбол, чехарда, блин та-та, бутылочка!!!» (форум вопросов и ответов otvet.mail.ru, 2010, автор записи из г. Слободской Кировской обл., 1977 г. р., женского пола).

3. «[Играли] в классики, скакалки, в “Рыбака”, “Блин-та-та, кого яра” и проч. войнушки да прятки, испорченные телефоны, названия цветов, “Море волнуется раз...”, в городки, лапту, футбол, хоккей, что угодно» (женская социальная сеть myJulia.ru, 2014, автор родом из Слободского (живет в США), 61 год, женского пола).

4. «Занятия по физической культуре ведутся с использованием удмуртских [NB] народных игр *кулай-кулай*, *блин-та-та* и другие, которые носят подвижный характер, развивают силу ловкость, быстроту реакций, проявления смекалки» (сайт школы в д. Светозарево Слободского р-на Кировской обл., Svetozarevo.ru).

5. «“Блин та-та”. Делимся на две равные команды. Разыгрываем, кто первый водит. Ведущая команда кричит: “Блин та-та”. Другая в ответ: “Кого яра?” Первая команда: “Пятую, десятую (советуемся) Алинку толстопятую”. Команда соперников стоит, крепко взявшись за руки, Алина должна “разорвать руки” и добежать до определённой метки, чтобы её не “осадили”. Если её задержат или успеют “осалить”, она переходит в другую команду» («Выходи играть во двор: Творческая игровая разработка», 2013, с. Колково Орловского р-на Кировской обл. // Учительский портал multiurok.ru).

6. «Это созвучие [в игре “бояре”] в Дымково* было таким: *Блин-та-та – На ком ера? – На пятом-десятом* и далее – имя участника (ера – это выбор того, кто рвал цепь противника)» (сайт знакомств mylove.ru, 2014, автору 78 лет, мужского пола). * Дымково – микрорайон г. Кирова.

7. «Неделя Кировской области закончилась большим фольклорным праздником для всех ребят “Вятские посиделки”. <...> Детей познакомили с вятскими поговорками, с удовольствием поиграли [в] народные игры “Селезень”, “Блин-та, та-та”, “Кашу варить”» (сайт детского сада в пгт Восточный Омутнинского р-на Кировской обл., spginka43.ru, 2014).

Как мы видим, все эти фиксации приурочены к Кировской обл. Любопытно также, что в примере (4) игра блин-тата названа удмуртской народной.

Расположим все созвучные с блин-та-та варианты зачинов / диалогов, обнаруженные нами в Сети и литературных источниках, по географическому принципу с северо-запада на юго-восток:

а) *блин-та-та* – деревни Ваулиха и Арзубиха Вологодской обл. (*Блин-та-та, чья игра?*); с. Колково Орловского р-на Кировской обл. (*Блин-та-та. – Кого яра?*), г. Слободской (*Блин-та-та, кого яра?*) и д. Светозарево Слободского р-на Кировской обл.;

а₂) *блин-та-та* с вариантом *татар-былин* – д. Ворца Ярского р-на, деревни Верхняя Кузьма и Жаба Глазовского р-на, северо-запад Удмуртии (Долганова, Морозов, 2002: 161, 286);

б) *блин-та-та-та* – п. Восточный Омутнинского р-на Кировской обл.;

б₂) *блин-та-та-(та)!* – *Кого ярам?* («Кого надо?»): *в сходной игре, в которой двое участников, взявшись за руки, пытаются утащить руками игрока из противоположной цепи* – с. Пудем Ярского р-на, северо-запад Удмуртии, граница с Кировской обл. (Долганова, Морозов, 2002: 163, 288);

в) *блинта-тутай; мынта-тутай; минто-тудо* – д. Алексеево Глазовского р-на Удмуртии³ (продолжения диалога не приводятся) (Там же: 286);

г) *Мильым ту татай!* – *Кого надо?** – Мишу (или другое имя, кличка, например, *Безеда*): деревни Сундур, Чуралуд и Лоза Игринского р-на, север Удмуртии (Там же: 162); то же по-удмуртски: *Мильым тут [sic] татай!* – *Кинэ кулэ?* – *Мишаез (Безедаез)!* (Там же: 287);

д) *Мильым тпру татай!* – *Что случилось?** – *И Маня пригодится**: д. Лонки-Ворцы Игринского р-на (Там же: 162); то же по-удмуртски: *Мильым тпру татай!* – *Кинлы мар луиз?* – *Манялы но ярамыз!* (Там же: 287);

(* Реплики, помеченные астериском, по нашему предположению, могут быть скорее переводами авторов-фольклористов или самих информантов с удмуртского первоисточника на русский язык, чем реально используемыми в диалогах фразами.)

Очевидно, что зачины (а)–(в), близкие территориально (за исключением «аномальной» фиксации зачина (а) в Вологодской обл.), имеют общее происхождение. Фраза «*чья игра?*» может быть переосмыслением на русской почве первоначального «*кого яра(м)*» (см. диалоги (а) и (б₂)) или «*кого ера?*» (которое также фиксируется нами в составе русских кричалок)⁴ с непонятным вторым элементом: *Кого ера?* > **Кого игра?* > *Чья игра?* Фраза *Кого яра (ера)?* объяснима на русско-удмуртской почве – как частичный перевод удм. *Кин яра?*, буквально «Кто нравится?» (Романий, Ключева, 2016: 119). Такая этимология этой реплики свидетельствует в пользу происхождения вологодского зачина из удмуртоязычного ареала. Отметим, что фиксация *блин-та-та* помимо северо-запада Удмуртии также в Слободском р-не Кировской обл. соотносится с фактом компактного проживания удмуртов в этом районе (Владыкин, Христоролюбова, 1997: 16–17). По-видимому, игра *блин-та-та* не случайно названа «удмуртской народной» в примере (4) из д. Светозарево. В Светозарево издавна живут удмурты.

С учетом семантического соответствия удм. *мильым* ‘блин’ ~ рус. *блин*⁵ зачины (г) и (д) коррелируют с предшествующими. Следует отметить, что слово со значением ‘блин’ никак не соотносится с сутью игры, поэтому, скорее всего, и *мильым*, и *блин* не являются первоначальными элементами зачина, а результатом его фонетической «корректиры» – очевидно, в ходе семантизации асемантических элементов.

Ранее предполагалась связь *блин-та-та* с русскими зачинами типа *Карин-баба, Калин-баба* и т.п. в аналогичных играх (Ключева, 2015: 44) и было допущено, что *блин-* является искажением первого элемента *калин-* в зачине *калин-баба*. Субституцию второго элемента *баба* на *тата* было предложено объяснить тем, что оба эти слова были близки по смыслу как термины родства, обозначающие деда. Ср. рус. диал. *тятя* ‘дед’: ярославское, пермское (СРНГ: Т. 46, 106), *тата* ‘отец, тятя’: Шенкурский уезд Архангельской губ. (1846), архангельское, мурманское, онежское, олонцкое, карельское, вологодское, ленинградское, новгородское, псковское и др. (СРНГ: Т. 43, 302); мар. диал. *тютя, тьотя, чачай, чочо* ‘дедушка’. В рамках терминов родства, элемент *татай / тутай* коррелирует также с удм. диал. *татай, тутай* ‘старшая сестра’ (Там же: 45). Однако согласно М. П. Безеновой, к. фил. н. [в личной переписке], этот термин родства не известен в тех местностях, где фиксируются кричалки с *-татай* и *-тутай* – а именно в д. Лонки-Ворцы и близлежащих деревнях Игринского р-на, в

³ Ныне – выселок Алексеевский?

⁴ Например: «Любимые – те игры, в которые играют все дети, независимо от пола. Например, прятки. Их я просто обожала. И такая разновидность прятков, как 12 палочек. Казаки-разбойники. Мировуха. Кингера-кого ера (в других областях её зовут цепями коваными)» (форум по соционике socionica.com, 2009, автор из Кировской обл., без точного указания места).

⁵ Отметим, что удм. *мильым* ‘блин’ не случайно созвучно русскому блин: это старое заимствование из древнерусской формы млин ‘блин’, которая позднее изменилась в блин (вследствие диссимиляции носовых согласных [м] и [н]); ср. укр. *млинець* ‘блин’. Ср. еще заимствованные из русского мар. *мелна*, в горном наречии – *мелэна* ‘блин, блины’.

д. Удмуртские Ключи в паре километров от д. Алексеево (последняя в настоящий момент заселена приезжими дачниками) и в д. Курегово Глазовского р-на и округе. Соответственно, эти кричалки здесь асемантические, на что указывала нам также в личной беседе Л. Н. Долганова, и должны были попасть в эти деревни уже в форме <...>-*татай* / *тутай*. *Татай* встречается в срединных говорах удмуртского языка в центре Удмуртии в значении 'старшая сестра' (Вахрушев, 1995: 28) и в бесермянском наречии на севере Удмуртии ('старшая сестра' (Тепляшина, 1970: 43), 'сестра по матери' (Вахрушев, 1995: 235), 'старшая сестра; тетя; старшая (младшая) сестра матери или отца' (Федотов, 1985: 130), обращение к любой женщине, старшей по возрасту (Там же: 125)), а в северных говорах ему соответствует *атя* 'старшая сестра' (Вахрушев, 1995: 28). *Тутай* зафиксировано в буйско-таныпском говоре (южном) (Тараканов, 1993: 130), локализуемом на северо-западе Башкирии и юго-западе Пермского кр., и, возможно, является заимствованием из татар. или башк. диал. *тутай* 'старшая сестра; тетя (как термин родства)' (БРС: 647). Удм. *татай* можно сопоставить с татар. диал. *тэтэй* 'тетя, старшая сестра; сестрица; определительное дополнение к имени любой женщины (средних лет)' (ТРС: Т. 2, 347) – по всей видимости, как заимствование из татарского⁶, что наводит нас на гипотезу о татарском происхождении зачина *блин-та-та*.

Если элемент *татай* (*тутай*) в игровых зачинах (в)–(д) действительно восходит к татар. *тэтэй* 'тетя, сестрица'⁷, в качестве семантической параллели к *тэтэй* можно привести употребление в чувашских припевках в аналогичной игре чувашских терминов родства *акэй*, *анпа* с тем же значением:

8. Тетерина, тетерина, [асемантическое слово. – Г.Р., М.К.]//Сенеру, сенеру, [асемантическое слово, см. ниже Синерук. – Г.Р., М.К.]//*Чипер акай*, *Маруш акай*,//*В(ы)ляма кил*, *в(ы)ляма кил!* 'Пригожая сестрица, сестрица Маруш, // Приходи играть, приходи играть!' (Лаврентьева, Яковлева, 2012: 20) (перевод наш. – Г.Р., М.К.).

9. *Чечче, чечче, чеччерина* [асемантический зачин. – Г.Р., М.К.]//*Синерук*, *Пинерук*. [асемантические слова; возможно, женские имена; ср.: (Ашмарин, 9: 216; 11: 149). – Г.Р., М.К.]//*Ах, анпаçым**, *Нинай анпа*,//*В(ы)ляма кил*, *кулма кил!* 'Ах, сестричка, сестра Нина' // 'Приходи играть, приходи смеяться!' (Лаврентьева, Яковлева, 2012: 17) (перевод наш. – Г.Р., М.К.). **Анпаçым* – уменьшительно-ласкательная притяжательная форма 1-го лица ед. ч. от *анпа*: 'моя сестричка'.

В процитированных припевках слова *анпа*, *акка* означают вообще девушек. (Подробнее о чувашских сопроводительных текстах в аналогичных играх, в том числе с упоминанием этих

⁶ Ср. указание Р. Г. Ахметьянова, что из татарского заимствованы мар., чуваш. *тетей*, мордов. *тядяй* 'тетя' (Ахметьянов, 2001: 197). При этом обычные удмуртские слова для обозначения старшей сестры – *акá* (УРС: 36) (родственное чуваш. *ак(к)á* 'то же') и *анá(й)* (Там же: 44). Отражение татар. *тэтэй* как *татай* в удмуртском объяснимо отсутствием в удмуртском языке звука, аналогичного татарскому *э*, т.е. более закрытого и продвинутого вперед [а].

⁷ Согласно Д. Б. Рамазановой, *тэтэ* со «звательной» формой *тэтэй* является самым распространенным диалектным татарским названием старшей сестры, синонимом литературного *анá* (которое также означает тетку как термин родства). «Звательная» форма *тэтэй* используется в подавляющем большинстве говоров татарского языка, в которых встречается *тэтэ* (Рамазанова, 1991: 36). По данным ДСТЯ, *тэтэ* 'старшая сестра' отмечается в следующих говорах: заказанские (север Татарстана), *нукрáтовский* (Кировская обл.), *глазовский* (север Удмуртии), говоры *мишáрского* диалекта: *чистопольский* (север Татарстана), *лямбирский* и *кузнецкий* (Пензенская обл.), *сергáчский* (Нижегородская обл.), *хвалынский* (Ульяновская обл.), как «форма обращения к родной сестре отца или матери, к старшей родной сестре или к посторонней женщине, если она старше по возрасту» – в *мензелíнском* говоре (север Татарстана); *тэтэй* 'форма обращения к сестре старше себя' фиксируется в следующих говорах: заказанские – *мамадýишский* и говор крещеных татар Заказанья (север Татарстана), глазовский говор, мишарский диалект (ДСТЯ: 440).

терминов родства, см.: (Романий, Ключева, 2016)). В связи с этим любопытно также отмеченное в Удмуртии (б. Сарапульский уезд) название типологически близкой игры *кымыкызы*, ср. ее описание:

10. «Обыкновенно разделяются на две партии. Из одной выходит парень и, обращаясь к другой, говорит: *кымыкызы*; ему отвечают: *кинлымартлуем*. Тогда партия вышедшего называет какое-либо женское имя и девушка, носящая его, бежит до намеченной черты. За ней гонятся и, если она успеет добежать до нее, отправляется обратно к своим, если же не успеет, то захватывается в противную партию» (Богаевский, 1888: 53–54).

Первая реплика диалога – *Кымыкызы*⁸ – асемантична в удмуртском, тогда как в ответной фразе *кинлымартлуем* легко прочитывается удмуртский вопрос *Кинлы мар луэм?* (буквально ‘У кого что случилось?’), фиксируемый в ряде мест Удмуртии в диалоге игры «цепи» (Долганова, Морозов, 2002: 354, 164, 287). Можно предположить, что элемент *кызы* в зачине и названии этой игры представляет собой татарское существительное *кыз* ‘девушка, девочка, дочь, невеста’ с посессивным аффиксом 3-го лица ед. ч. Всю же фразу *Кымыкызы* можно вывести из татар. *Кем кызы?* ‘Чья девушка (дочь, невеста)?’.

При допущении татарской этимологии *блин-та-та* первичным представляется зачин (в) – *мынта тутай*. Первый элемент кричалки *мынта-* (вар. *минто-*) напоминает по звучанию татар. диал. *мында́* ‘здесь’ или ‘сюда’ ~ лит. *монда́* (на возможность такой связи указала А. В. Дыбо, в личной беседе). Форма *мында* отсутствует в ДСТЯ и БДСТЯ. Но известно, что для говора каринских и глазовских татар характерна делабиализация литературного [о] в звук, приближающийся акустически к [ы]; ср. ошибки пятиклассников в изложениях: *мында* вместо *монда* ‘здесь’, *тырмыш* вместо *тормыш* ‘жизнь’, *Гысман* вместо *Госман* – имя собственное (Бурганова, 1962: 24). Можно реконструировать соответствующее игровое восклицание как **Мында́, тәтәй!* ‘Сюда, сестрица!’. Такое употребление *тәтәй* находит параллель в *акай, аппа* ‘сестрица’ = ‘старшая сестра, тетя’, фиксируемым в чувашских припевках (см. (8) и (9)), а также перекликается с *кымыкызы* при допущении татарской этимологии последнего. Татарская этимология для «северных» зачинов коррелирует с проживанием татар в бассейне Чепцы на севере Удмуртии⁹.

Форма *мынта-тутай* объяснима как результат ассимиляции (*д-т / т-т*), и она могла иметь дублет **минта-тутай*, судя по наличию варианта *минто-тутто*. В свою очередь, в татарском по происхождению *минта-*, асемантическом для удмуртов и русских, первый слог *мин-*, по-видимому, преобразовался (семантизировался) в удм. *милыым* ‘блин’ либо в рус. *блин*. Точно сказать, является ли первичным удмуртские варианты приговорки (с *милыым*) или русские (с *блин*), затруднительно, но между собой они, безусловно, соотносятся как переводы.

В зачине *татар-былин* элемент *татáр* можно объяснить дальнейшей семантизацией бессмысленного *-та-та* в связи с удм. и рус. диал. *татáр* ‘татарин’. Показательно, что этот зачин зафиксирован в тех же деревнях, что и *блин-та-та*, что подтверждает возможность такой семантизации.

Изложенная здесь версия этимологии *блин-та-та* не исключает возможности дальнейшего анализа и альтернативных трактовок, в частности: элемент *-та-та* может иметь звуко-подражательную природу и напоминает варианты «чураций» («застукиваний») у коми при игре в прятки – *тар-тар, тур-тар* (Рассыхаев, 2014: 101). Среди удмуртских кричалок в играх типа «цепи (кованые)» также встречаются подобные междометные (?) образования, например:

⁸ В издании (Долганова, Морозов, 2002: 69) та же игра при цитировании труда П. М. Богаевского (см. выше) названа *кыкымызы*. Автор книги Л. Н. Долганова сообщила в личной беседе, что не заметила этого различия и высказала предположение, что вариант Богаевского мог быть ошибочным, поскольку он не знал удмуртского языка. Но не исключено и обратное – метатеза из оригинального *кымыкызы* у Л. Н. Долгановой. Отметим, что она также указала нам на ударения *кы́кымызы*, которые могут быть ее конъектурой (см. выше).

⁹ Современные Базезинский, Глазовский, Юкаменский и Ярский районы (Касимова, 2012: 179).

е) *Венья, Венья, тар-тар! – Кого надо?** – (Имя): д. Кыква Якшур-Бодьинского р-на Удмуртии (Там же: 163); по-удмуртски: *Венья, Венья, тар-тар! – Кин кулэ?* (или *Ково кулэ?*) – *Ваня* (Оля) (Долганова, Морозов, 2002: 287);

ж) *Жикья-Монья тур! – Кинлы мар луэм? – Со чебёр нылды вуэ коліськем!* ('Эта ваша красивая девушка ступает в воду!'): д. Курегово Малопургинского р-на, юго-запад Удмуртии (Там же: 354) (перевод авторов книги);

з) *Ваня, Ваня, тур! – У кого что случилось?** – *Коля ваш мышкой стал!**: д. Старые Юбери Можгинского р-на, юго-запад Удмуртии (Там же: 162); по-удмуртски: *Ваня, Ваня, тур! – Кинлы мар луэм? – Коляды мар луэм!* (Там же: 287).

В некоторых аналогичных игровых приговорах Малопургинского р-на Удмуртии вместо *-тар* встречается асемантическое *тарык* и как вариант *чорыг* 'рыба' (удм.) (Христоробова и др., 1993: 217; Долганова, Морозов, 2002: 163, 164, 288), что также вызывает вопросы. Таким образом, дальнейший сопоставительный анализ приговоров в играх типа цепи (кованые) в удмуртском и других языках Волго-Камья, в русских диалектах может быть продолжен, но уже за рамками данной статьи.

По итогам изложенного, мы можем сформулировать следующий **вывод**:

Зачин *блин-та-та*, по всей видимости, является в русском и удмуртском языке искаженным заимствованием (< татар. диал. **мында тэтэй* 'сюда, сестрица'), как и некоторые другие зачины, бытующие в Волго-Камье, – *кингера*, *тилирам*, *киргиз-татарин*, для которых мы предложили татарские этимологии (Романий, Ключева, 2016). Изоритмичность (равносложность и равноударность) зачинов *блин-та-та* и *кингера*, очевидно, не случайна и связана с тем, что за ними следовала одна и та же фраза «*Кого яра?*», что коррелирует с фактом фиксации этих зачинов в одном регионе (откуда второй зачин впоследствии мог попасть в некоторые соседние регионы) и дополнительно свидетельствует в пользу формирования этих зачинов на одном языковом субстрате. Две реплики диалога подверглись ритмизации (как результат такой ритмизации можно объяснить слоговое стяжение *блинта-тутай* > *блин-та-та*).

Сокращения

Языки и диалекты

башк. – башкирский, *мар.* – марийский, *мордов.* – мордовские, *рус.* – русский, *татар.* – татарский, *удм.* – удмуртский, *чуваш.* – чувашский.

Общие

б. – бывший, *г. р.* – год рождения, *диал.* – диалектный, *лит.* – литературный, *ок.* – около, *ср.* – сравните.

Список литературы

- АТНГ – Атлас татарских народных говоров (электронная версия) / сост. Салимов Ф. И. и др. 2011–2012. URL: http://newipi.antat.ru/maps-razdel_id-3.html
- Ахметьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2001.
- БДСТЯ – Большой диалектологический словарь татарского языка. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / сост. Баязитова Ф. С. и др. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2009.
- Богаевский П. М. Очерк быта сарапульских вотяков // Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – Вып. 3. – М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. – С. 13–64.
- БРС – Башкирско-русский словарь. Башкортса-русса һүзлек / ред. Ураксин З. Г. – М.: Дигора; Рус. яз., 1996.
- Бурганова Н. Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. – Т. 2. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1962. – С. 19–56.

- Вахрушев В. М. Удмуртско-русский словарь синонимов: Около 3200 синонимических рядов. (Синонимъёсын удмурт-зуч кылбугор: Пыртэмын ог 3200 ёрос синоним радъёс). – Ижевск: Удмуртия, 1995.
- Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. 2-е изд., перераб. и доп. – Ижевск: Удмуртия, 1997.
- Всеволодский-Гернгросс В. Н. и др. (сост.). Игры народов СССР: Сб. материалов. – М.; Л.: Academia, 1933.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.
- Долганова Л. Н., Морозов И. А. Игры и развлечения удмуртов. – 2-е изд., доп. – Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2002.
- Долганова Л. Н., Морозов И. А., Минасенко Е. Н. Игры и развлечения удмуртов: История и современность. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995.
- ДСТЯ – Диалектологический словарь татарского языка. Татар теленең диалектологик сүзлеге / ред. Махмутова Л. Т. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1969.
- ДТС – Древнетюркский словарь / ред. Наделяев В. М. – Л.: Наука, 1969.
- Касимова Д. Г. Чепецкие татары // Загребин А. Е. (науч. ред.). Удмуртская Республика: Историко-этнографические очерки. – Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2012. – С. 178–180.
- Ключева М. А. О происхождении русских игровых терминов: сало, салки, масло // Урало-алтайские исследования. – М., 2012. – № 2 (7). – С. 39–51.
- Ключева М. А. Марийская лексика игр с костями и деревяшками (в тюркском, русском и финно-угорском контексте) // Урало-алтайские исследования. – М., 2013. – № 1 (8). – С. 99–114.
- Ключева М. А. Сокрытага "Слепая овца" и Шорыкйол "Овечья нога": к этимологии названия марийской игры и праздника // Вопросы языкознания. – М., 2014. – № 4. – С. 104–113.
- Ключева М. А. К этимологии названия марийской игры митули // Вопросы языкознания. – 2015. – № 4. – С. 37–59.
- Ключева М. А. К генезису марийской игры клёк // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 4. – С. 119–128.
- Ключева М. А. Марийская игра в шарка (шаркала модмаш) в контексте игровой культуры народов Урало-Поволжья // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск, 2016. – С. 444–448.
- Ключева М. А. Некоторые примеры фонетической адаптации заимствований в марийской игровой лексике // Бусыгинские чтения. – Вып. 9. Народы в поликультурном взаимодействии. Материалы Международной научно-практической конференции. 5 декабря 2016 года. – Казань, 2016. – С. 93–97.
- Ключева М. А. Марийские считалки с зачином пер- (пир-) в контексте игрового фольклора народов Урало-Поволжья // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал / гл. ред. А. К. Гагиева. – Сыктывкар, 2017. – Вып. 1 (16). – С. 85–92.
- Лаврентьева С. Г., Яковлева И. Ф. (авт.-сост.). Ача-пача сасси: Чăваш ача-пăча юриссем. (Голос детворы: Чувашские народные песни для детей). – Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2012.
- Марсова Н. Народные игры Харовского района // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. 12: Саблин В. А. (отв. Ред.). Материалы науч.-практ. краевед. конференций школьников «Мир через культуру» (Вологда, 3–5 марта 2000 г., 22–25 марта 2001 г.). – Вологда, 2002. URL: <http://booksite.ru/fulltext/12v/oisk/1.htm>
- Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Типо-литогр. В. Ф. Рихтер, 1895.
- Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1991.
- Рассыхаев А. Н. Детский игровой фольклор коми: Жанровый аспект. – Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014.
- Романий Г. И. Региональные городские названия детской игры типа «цепи» («бояре») (по наблюдениям узуса в Интернете) // Живая старина. – 2015. – № 2. – С. 11–14.
- Романий Г. И., Ключева М. А. К этимологии зачинов кингера, тилирам, киргиз-татарин и др. в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)» // Вопросы языкознания. – 2016. – № 3. – С. 115–130
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. (ред.). – М.; Л./СПб.: Наука, 1965.
- СЧЯ – Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахёсен кёнеки. В 17 т. Репр. изд. – Чебоксары: Руссика, 1994–2000.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: (Теория и словарь). – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян. – М.: Наука, 1970.

ТРС – Татарско-русский словарь. Татарча-русча сүзлек. В 2 т. / ред. Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А. и др. – Казань: Магариф, 2007.

УРС – Душенкова Т. Р. и др. (сост.), Кириллова Л. Е. (отв. ред.). Удмуртско-русский словарь. Удмурт-зуч кыллюкам. Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2008. URL: <http://dict.komikyv.ru/index.php/index/6.xhtml>

Федотов М. И. Термины родства бесермян // Христолюбова Л. С. (ред.). Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. – Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1985. – С. 116–131.

Христолюбова Л. С., Первозчикова Т. Г., Долганова Л. Н. Традиционные праздники и развлечения // Пименов В. В. (ред.). Удмурты: Историко-этнографические очерки. – Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1993. – С. 209–223.

Романий Глеб Иванович, независимый исследователь.

Тель-Авив, Израиль.

E-mail: inamor@ Rambler.ru

Ключева Мария Аркадьевна, старший научный сотрудник, кандидат искусствоведения.

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

им. В. М. Васильева.

Ул. Красноармейская, 44, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, 424036.

E-mail: keymachine@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17 октября 2017 г.

Romaniy G., Klyucheva M.

THE OPENING PHRASE BLIN-TA-TA IN THE ACTIVE GAME “RED ROVER” OF RUSSIAN AND UDMURT CHILDREN

The article considers the etymology of the exclamation blin-ta-ta used as a dialogue opening phrase in the active children's game of “red rover” type and as the name of this game. The formation of game terminology in multilingual environment of the polyethnic region is demonstrated, as well as the phenomena of semantisation and re-semantisation (semantical adaptation) in game terminology. A hypothesis is stated for the formation of a semi-semantic exclamation blin-ta-ta through a sequence of changes, distortions in a child's folklore of the misunderstood phrase of another's language: Russian and Udmurt blin-ta-ta(-ta) ~ Udmurt mil'ym tu tataj ~ Udmurt mynta-tutaj < *mynda tətəj 'this way, sister' (Tatar dialect). Such a reconstruction of the original phrase is correlated with the fact of reference to the "girl", "sister" in other dialogues in similar Udmurt and Chuvash games. Thus, becomes obvious the substrate origin of the dialogue opening phrase (blin-ta-ta) in Russian and Udmurt game folklore from Tatar, which also correlates with the fact and traditional areas of resettlement of Tatars in the territory of Udmurtia and the Kirov region.

Key words: *child language, desemantisation, game folklore of Volgo-Kama district, languages in contact, language substratum, semantisation and re-semantisation, Turkic languages, Finno-Ugric languages, folk games.*

References

Ashmarin N. I. Slovar' chuvashskogo iazyka. Chävash sämakhësen këneki [A dictionary of the Chuvash language]. In 17 vols. Reprint ed.– Cheboksary: Russika, 1994–2000.

Atlas tatarskikh narodnykh govorov (elektronnaia versiia) [An atlas of the Tatar folk dialects (the electronic version)]. 2011–2012. URL: http://newipi.antat.ru/maps-razdel_id-3.html

Akhmet'ianov R. G. Tatar teleneng kyskacha tarikhi-etimologik siuzlege. Kratkii istoriko-etimologicheskii slovar' tatarskogo iazyka [A short historical-etymological dictionary of the Tatar language]. – Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001.

- Bol'shoi dialektologicheskii slovar' tatatskogo iazyka. Tatar teleneng zur dialektologik siuzlege [A big dialectological dictionary of the Tatar language]. – Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009.
- Bogaevskii P. M. Oчерk byta sarapul'skikh votjakov [An overview of the daily life of Sarapul Votyaks]. Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom etnograficheskom muzee [Collected materials on ethnography, published by Dashkov's ethnographic museum]. – Iss. 3. – Moscow: Tipografiia E. G. Potapova, 1888. – P. 13–64.
- Bashkirsko-russkii slovar'. Bashqortsa-russa hiuðlek [A Bashkir-Russian dictionary]. – Moscow: Digora; Russkii iazyk, 1996.
- Burganova N. B. Govor karinskih i glazovskih tatar [The dialect of Karino and Glazov Tatars]. Materialy po tatarskoi dialektologii [Materials on Tatar dialectology]. – Vol. 2. – Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – P. 19–56.
- Vakhrushev V. M. Udmurtsko-russkii slovar' sinonimov: Okolo 3200 sinonimicheskikh riadov. Sinonim'iosyn udmurt-dzuch kylbugor: Pyrtemyng og 3200 ioros sinonim rad'ios [An Udmurt-Russian dictionary of synonyms: About 3200 synonymic rows]. – Izhevsk: Udmurtiia, 1995.
- Vladykin V. E., Khristoliubova L. S. Etnografiia udmurtov: Uchebnoe posobie po kraevedeniiu [Ethnography of Udmurts: An education guide in regional studies]. 2nd ed., rev. and enl. – Izhevsk: Udmurtiia, 1997.
- Vsevolodskii-Gerngross V. N. et al. (comps.). Iгры narodov SSSR: Sbornik materialov [Games of the nations of the USSR: Collected materials]. – Moscow; Leningrad: Academia, 1933.
- Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka [An explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. 3rd ed., rev. and enl. – St. Petersburg; Moscow: Tovarišchestvo M. O. Wolf, 1903–1909.]
- Dolganova L. N., Morozov I. A. Iгры i razvlecheniia udmurtov [Games and entertainments of Udmurts]. 2nd ed., enl. – Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 2002.
- Dolganova L. N., Morozov I. A., Minasenko E. N. Iгры i razvlecheniia udmurtov: Istoriia i sovremennost' [Games and entertainments of Udmurts: History and modern times]. – Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1995.
- Dialektologicheskii slovar' tatatskogo iazyka. Tatar teleneng dialektologik siuzlege [A dialectological dictionary of the Tatar language]. – Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969.
- Drevneturkskii slovar' [An Old Turkic dictionary]. – Leningrad: Nauka, 1969.
- Kasimova D. G. Chepeckie tatory [The Chepsta Tatars]. Udmurtskaia Respublika: Istoriko-etnograficheskie oчерki [The Udmurt Republic: Historical-ethnographic overviews]. Zagrebin A. E. (ed.). – Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 2012. – P. 178–180.
- Klyucheva M. A. On the origins of the Russian games' terms: salo, salki, maslo. Uralo-altajskie issledovanija. – M., 2012. – № 2 (7). – P. 39–51.
- Klyucheva M. A. Mari terms of games with bones, sticks and pieces of wood (in the Turkic, Russian and Finno-Ugric context). Uralo-altajskie issledovanija. – M., 2013. – № 1 (8). – P. 99–114.
- Klyucheva M. A. Sokyrtaga «blind ram» and šorykjol «sheep's leg»: On the etymology of the names of a Mari game and festival // Voprosy jazykoznanija. – M., 2014. – № 4. – P. 104–113.
- Klyucheva M. A. Towards the etymology of a Mari game mituli // Voprosy iazykoznanija. – 2015. – № 4. – P. 37–59.
- Klyucheva M. A. Towards the genesis of a mari game klyok // Toms'kij zhurnal lingvističeskikh i antropologičeskikh issledovanij. – 2016. – № 4. – P. 119–128.
- Klyucheva M. A. Marijskaja igra v sharka (sharkála modmásh) v kontekste igrovoj kul'tury narodov Uralo-Povolzh'ja [Mari game sharka (sharkala modmash) in the context of game culture of the peoples of the Ural-Volga region]. Polijetničeskij mir Evrazii: problemy vzaimovosprijatija [The polyethnic world of Eurasia: the problems of interaction] / Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury UrO RAN. – Izhevsk, 2016. – P. 444–448.
- Klyucheva M. A. Nekotorye primery fonetičeskoj adaptacii zaimstvovanij v marijskoj igrovoj leksike [Some examples of phonetic adaptation of borrowings in the Mari game lexics]. Busyginskie čtenija. – Vyp. 9. Narody v polikul'turnom vzaimodejstvii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. 5 dekabrja 2016 goda [Busygin reading. Vol. 9. Peoples in multicultural interaction. Materials of the International Scientific and Practical Conference. December 5, 2016]. – Kazan', 2016. – P. 93–97.
- Klyucheva M. A. Marijskie ščitalki s zacinom per- (pir-) v kontekste igrovogo fol'klora narodov Uralo-Povolzh'ja [The Mari counters with the opening phrase pir- (per-) in the context of game folklore of the peoples of the Ural-Volga region]. Izvestija Obščhestva izučeniija Komi kraja: nauchno-populjarnyj kraevedčeskij zhurnal / gl. red. A.K. Gagieva [News of the Society for the Study of the Komi Region: a popular science and local history periodical / ch. Ed. A. K. Gagieva]. – Syktyvkar, 2017. – Vol. 1 (16). – P. 85–92.
- Lavrent'eva S. G., Yakovleva I. F. Acha-pácha sassi: Chávash acha-pácha iurrisem. Golos detvory: chuvashskie narodnye pesni dlja detei [Children's voice: Chuvash folk songs for children]. – Cheboksary: IPK "Chuvashiia", 2012.

- Marsova N.* Narodnye igry Harovskogo rajona [Folk games of Kharovsk district]. Izvestiia Vologodskogo obshchestva izucheniia Severnogo kraia [Bulletin of Vologda society of the North region studies]. Iss. 12: Materialy nauchno-prakticheskikh kraevedcheskikh konferentsii shkol'nikov "Mir cherez kul'turu" (Vologda, 3–5 marta 2000 g., 22–25 marta 2001 g.) [Papers from the applied science school conferences in regional studies "World through Culture" (Vologda, March 3–5, 2000, March 22–25, 2001)]. Sablin V. A. (ed.). – Vologda, 2002. URL: <http://booksite.ru/fulltext/12v/oisk/1.htm>
- Pokrovskii E. A.* Detskie igry, preimushchestvenno russkie (v sviazi s istoriei, etnografiei, pedagogiei i gigienoi) [Children's games, mainly Russian (in connection with the history, ethnography, pedagogics and hygiene)], 2nd ed., rev. and enl. – Moscow: Tipo-litografiia V. F. Rikhter, 1895.
- Ramazanova D. B.* Terminy rodstva i svoistva v tatarskom iazyke [Terms of kinship and affinity in the Tatar language]. – Kazan: Tatarskoe knizhnoe isdatel'stvo, 1991.
- Rassykhaev A. N.* Detskii igrovoi fol'klor komi: Zhanrovyy aspekt [Children's game folklore of Komi: Genre aspect]. – Syktyvkar: Institut iazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN, 2014.
- Romanij G. I.* Regional urban names for the children's game of "red rover" type ("boyars") (by examination of the online usage) // Zhivaia starina. – 2015. – № 2. – P. 11–14.
- Romanii G. I., Klyucheva M. A.* Towards the etymology of the opening words kingera, tiliram, kirgiz-tatarin, etc. in active children's games of "red rover" type // Voprosy iazykoznanii. – 2016. – № 3. – P. 115–130.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of the Russian folk dialects]. – Moscow; Leningrad / St. Petersburg: Nauka, 1965.
- Tarakanov I. V.* Udmurtsko-tiurkskie iazykovye vzaimosvazi: (Teoriia i slovar') [Udmurt-Turkic language interrelationship: (Theory and dictionary)]. – Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 1993.
- Teplishina T. I.* Iazyk besermian [The language of Besermians]. – Moscow: Nauka, 1970.
- Tatarsko-russkii slovar'*. Tatarcha-ruscha siuzlek [A Tatar-Russian dictionary]. In 2 vols. – Kazan: Magarif, 2007.
- Udmurtsko-russkii slovar'*. Udmurt-dzuch kyliukam [An Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 2008.] URL: <http://dict.komikyv.ru/index.php/index/6.xhtml>
- Fedotov M. I.* Terminy rodstva besermijan [Kinship terms of Besermians]. Semeinyi i obshchestvennyi byt udmurtov v XVIII–XX vv. [Family and social routine of Udmurts in XVIII–XX cc.]. Khristolubova L. S. (ed.). – Ustinov: Nauchno-issledovatel'skii institut pri Sovete Ministrov UASSR, 1985. – P. 116–131.
- Khristolubova L. S., Perevozchikova T. G., Dolganova L. N.* Tradicionnye prazdniki i razvlechenija [Traditional holidays and entertainments]. Udmurty: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Udmurts: Historical-ethnographic overview]. Pimenov V. V. (ed.). – Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 1993. – P. 209–223.

Romaniy Gleb, Independent Researcher.

Tel-Aviv, Israel.

E-mail: inamor@rambler.ru

Klyucheva Maria.

Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (under the Government of the Republic of Mari El).

Ul. Krasnoarmeyskaya, 44, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia, 424000.

E-mail: keymachine@yandex.ru